

Григорий Померанц

Несовершенство истории

История никогда не может прийти к совершенству. История всегда дает перекосы. Реальное общество всегда перекошено, либо в сторону чрезмерного рационализма, к дробным решениям, либо – в сторону иррационализма, к загадке целого. Скажем, экономически ориентированное общество всегда перекошено в сторону эффективности (и, следовательно, свободной инициативы), или в сторону социальной защищенности, которая тормозит инициативу. И принципиально не может быть абсолютно совершенного общества. Наиболее совершенное общество – это общество, сознающее свое несовершенство, и время от времени его исправляющее, двигаясь от одного перекоса к другому.

Когда же утопия дает великую цель, и она оправдывает все средства, то в конце концов средства становятся подлинной целью, средства поглощают цель, и место фанатиков цели, которые начали движение, занимают практики средств. Если вы помните роман Гроссмана «Жизнь и судьба», то в нем есть образ Крымова, который продолжает верить в

цели, во имя которых большевики взяли власть, и в конце концов его берут на Лубянку и там пытаются, чтобы он себя признал шпионом, а власть оказывается в руках людей, которые о цели давно уже не думают, людей средств, людей реально существующего аппарата, который для них является целью.

Утопия никогда не захватывает народа, находящегося в нормальном состоянии. Чтобы броситься в утопию, нужно потерять здравый смысл. Такие состояния бывают. И вот здесь решает не характер утопии, а состояние народа. Неважно, какая утопия. Может быть ленинская утопия, может быть гитлеровская утопия. В том же романе «Жизнь и судьба» Лисс, эсесовец, разговаривает со старым большевиком Мостовским и очень убедительно ему доказывает, что хоть идеи у них разные, теории разные, у одних расовая, а у других классовая, а в общем – государство строят они примерно одинаково, и всё те же лагеря, и всё то же отсутствие свободы.

К числу идей, вдохновляющих на неосуществимые структуры общества, относится, как показал опыт Ирана, и религиозный фундаментализм. Решающее во всех случаях – чувство растерянности, которое охватывает народ по любым причинам. В императорской России – от трех лет очень тяжелой

войны, от утраты веры в царя; в Германии сошлись вместе экономический кризис, репарационные платежи Франции, чувство обиды за проигранную войну; а в Иране провокатором была неспособность мусульман вдруг увидеть женщин, вчера еще закутанных в паранджу, а сегодня обнаженных в американских эротических фильмах. Этот психологический кризис сорвал всю успешную экономическую реформу. Парадокс современной России – слепота к различию социальной защиты от коммунистической утопии, въевшейся в плоть и кровь за семьдесят лет большевицкой диктатуры. От этой путаницы – повторные возвраты коммунистического утопизма.

Чтобы сохранить здравый смысл, надо освободиться от психологической почвы утопии, от резкого разрыва между роскошью и нищетой, от взрывов ненависти в массе, загнанной в тупик. Здесь очень важно понять, что ловушки утопии могут быть в стороне, прямо противоположной вчерашней ямы. Основное течение общественной жизни идет сегодня в сторону религии и национальной гордыни. Как мы уже увидели в Иране, религиозный фундаментализм творит утопии не хуже Маркса и Ленина. А идея национального величия легко оборачивается в

племенную замкнутость. Хотя расцвет национальной жизни и племенная замкнутость – совершенно разные вещи.

Нация – это сравнительно новое явление. Не надо путать ее с тем, что по советскому паспорту называется национальностью. Нации возникли в Европе примерно в XVI в. на основе единой христианской культуры. Империя не получилась, и сложились самостоятельные национальные государства. Но эти государства находятся в постоянной переключке друг с другом. Черта нации – не только обособленность, но и связанность, неотделимость от единого клубка. Это чисто европейское явление. Нельзя считать нацией архаическое царство, например, Московское царство; нельзя считать нацией какое-нибудь архаическое племя. Нация – это категория европейской культуры, к которой постепенно переходят другие, по мере европеизации. Нация – это как бы инструмент в оркестре и голос в хоре. Они постоянно перекликаются друг с другом. Не случайно и национализм и интернационализм – обе эти идеи возникают в Европе. Они как бы оформляют односторонне эту двойственность в жизни нации. Она, с одной стороны, сравнимы с лепестком в большом

цветке, а цветы – это европейская, христианская по своим основам культура; а с другой стороны, каждая нация подобна самостоятельному цветку. Нация – это единство этнического и вселенского.

Если говорить о России, то можно мыслить ее по-разному. Принимая православие, как его понимали в Византии, мы движемся в сторону крайнего обособления и замыкания в гордыне «Третьего Рима». Это захватывало в те времена, когда и возник образ «Третьего Рима». Но сейчас это нелепо. Сегодня естественнее понимать православие, как один из вариантов христианства, как участника единой большой христианской культуры. Тогда открывается духовный путь к тому, что сейчас становится политически возможным, к возникновению широкой коалиции северных и удаленных к югу стран, с перспективой охватить не только Западную Европу, но и Россию, и Америку, и Новую Зеландию. Последнее сегодня трудно себе представить, но в будущем станет возможным и даже необходимым, уравновешивая растущую мощь Китая и решая проблемы глобальной экологии, решая, как избежать разрушения биосферы. Без субглобальной и глобальной дисциплины нам не обойтись.

Субглобальная и глобальная коалиция встала бы не только перед экологическими проблемами. Во всяком случае, России не обойтись без экуменизма в области духовной культуры, которая сегодня еще не нашла своих колодцев в глубину и может многое заимствовать у Экхарта Толле и других исследователей вселенских духовных глубин. В течение семидесяти лет мы были изолированы от духовных процессов, происходивших на Западе и на Востоке. Мы знали только то, что давно, до революции, перевели на русский язык и очень процеженно – о духовных процессах, которые шли вокруг нас.

Это очень широко и верно понимал Александр Владимирович Мень. Он был убежденным экуменистом. Но он не считал, что сейчас уже настало время, чтобы выйти за рамки существующих традиций. Он стоял за их перекличку, искал пути к возрождению чувства единства, начиная со всей Европы, продолжая путь, начатый Георгием Петровичем Федотовым в эмиграции.

Федотов был одним из первых деятелей русского духовного возрождения. С 1918 года участвовал в религиозных подпольных кружках, а в 25-м был вынужден эмигрировать под угрозой ареста. Но на

Западе он очень быстро убедился, что тот национализм, к которому его тянуло в противоположность абстрактному интернационализму большевиков, сам по себе тоже опасен. И под влиянием опыта фашизма и опыта мировой войны он уже в 43-м году пишет: «Проблема, поставленная сейчас жизнью, есть обуздание национального государства, а не одной Германии, как люди склонны упрощать дело». И его идеалом становится большая федерация, а не империя. Что же касается Русской империи, то он сперва, в 37-м году еще считал, что Россия единая и неделимая в принципе может быть восстановлена, если она станет либеральной, внимательной к малым народам и т.д. Но жизнь убедила его, что это невозможно: слишком много накопилось ненависти, так что распад империи неизбежен. Он пишет о том, что создало нынешнюю ситуацию:

«Два последних царя, воспитанные славянофилами, пытались обрусить империю и вооружили против нее целый ряд народов. Национализм оказался одним из ядов, разложивших императорскую Россию. Убаюканные немецкой музыкой и стихами Гёте, немцы идут на истребление славян. Так и для нас образ святой Руси облегчал

всякое насилие над инородцами. Парадоксальным образом Гёте и Толстой делаются в наши дни воспитателями национальной ненависти. Но это уж есть предательство, измена самой национальной культуре». То есть изменой и Гёте и Толстому, чуждым национальной гордыне и ненависти. И Федотову ясно, что ненависть к чужому составляет главную черту современного национализма не в одних только фашистах. Увы, мы видим, это и в процессах, развивающихся в России и в бывших союзных республиках.

Нужна положительная программа национального как ветви вселенского Древа, уходящего своими корнями в чувство вечного. Примерно в 1970 г. я бросил простую фразу: «Думайте о Боге, пишите по-русски – вот и получится русская культура». И у Федотова я нашел очень сходную, только более развернутую мысль: «Чтобы жить, человек должен найти утраченные связи с Богом, с душевным миром других людей и землей. Это значит в то же время, что он должен найти самого себя, свою глубину, свою укорененность в обоих мирах, верхнем и нижнем» – насколько я понимаю, – в небесном и земном.

Подведем итоги. Национальное и интернациональное, экономическая эффективность и

социальная защита должны мыслиться совместно, в единой паре, тянущей историю. Это впервые поняла Англия, и уже в XVIII веке партии, спорившие в парламенте, можно назвать консервативным либерализмом и либеральным консерватизмом. Со временем общество изменилось, либералов заменили лейбористы, и опять восстановилась система двух партий, воплотивших основные перекосы, которые постоянно надо было исправлять. Это понимание несовершенства общества и готовность постоянно исправлять перекосы избавили Англию от баррикад. Остальные страны Запада медленно усваивали ее опыт. А в России постоянно побеждали крайности. Деспотизм переходил в «бунт, бессмысленный и беспощадный», а бунт кончался новым деспотизмом.

Опыт показал, что лучшим временем в России был путь медленных, постепенных, хорошо продуманных реформ. К сожалению, и Александр II не избежал ошибок, а революционная молодежь бросилась в террор на самом кануне поворота к конституционным нормам. И начался новый круг зажима, провоцировавшего бунт, и бунта, провоцировавшего новый зажим, то под царским гербом, то под алым знаменем революции. И в итоге страна, окунувшись в революцию, проскакивала мимо свободы.

Наше несчастье – рассматривать противоположности как несовместимые принципы. Но всякий принцип, доведенный до предела, становится разрушительным. Разумна только традиция, принимающая принципы в паре, в равновесии, с возможностью переходить от одного перекоса к другому, противоположному, – без баррикад. Всякий принцип, вырвавшийся из своей парной упряжки, становится разрушительной силой. В том числе и национализм, и интернационализм. Недаром Федотов писал о роли яда, которую национализм сыграл в истории русской национальной культуры. И можно добавить к этому каноническую фигуру Толстого в статьях Ленина и значки с портретом Гёте на шествиях немецких фашистов. Политика террора охотно драпировала свою наготу бархатом юбилеев; достаточно вспомнить пышный юбилей Пушкина, аккурат пришедшийся на 1937 год.

Жизненная правда не требует ни окаменелых принципов, ни попиранья всякой твердости. Перекосы взывают к огню Святого Духа, и он сжигает фетиши. В области религии это совершали Св. Силуан, Антоний Сурожский, Александр Шмеман, Александр Мень, Георгий Чистяков. В светской культуре к этому стремились Сахаров, Григоренко. Стремление к гибкой

парности принципов, поправляющих друг друга и незыблемых в своем равновесии, победило впервые в Англии XVIII в. и постепенно распространялось по всему миру. Несколько раз оно срывалось в России. Хочется верить, что сейчас оно, наконец, укоренится, удержится, не исчезнет, как исчез в свое время Радищев и всплыл – в примечаниях к трудам историков. Многие меня тревожат. Светлый дух десятого декабря уже поколеблен свистом по адресу Горбачева. Горбачев этого не заслужил. Он был не очень умел, не все понял в русской истории, не удержался на ее ухабах. Но это не самый большой грех. Этим мы все грешны.